

СЦЕНА И ЗРИТЕЛЬ

При свете рампы

Киевский экспериментальный театр-студия. Руководит им Владимир Семенович Пилипенко, по образованию инженер (закончил политехнический институт) и режиссер (закончил институт театрального искусства). Тринадцать лет работал в конструкторском бюро. Два года — сначала актером, потом режиссером — на профессиональной сцене. А до сцены профессиональной была самодеятельная.

Предмет нашей беседы — хозрасчет в театре.

— Сначала о творчестве или о коммерции? — спрашиваю я.

— А здесь взаимосвязь, — отвечает он. — Будет творческий успех — будет и аншлаг. Иначе говоря, доход.

— Билеты на ваши спектакли, кажется, в нагрузку не распространяются?

— О чем вы говорите? — слегка обижается Пилипенко. — Попробуйте купить...

(К слову, билет в этот театр недешев — 3 рубля. Но как зритель могу засвидетельствовать: «товар» по цене).

— Продаёт билеты наш кассир, — информирует режиссер. — Распространяли мы их — в порядке эксперимента — и коллективно. Зatrуднений не ощутили, хотя залы, где мы выступаем, обычно с тысячу мест. А коллективная продажа была устроена скорее с воспитательной целью.

— Вашему театру меньше года. А если считать с момента зарождения?

— Около трех лет. Точнее сказать затрудняюсь. Мы ведь из бывших «неформалов», документацию не вели. А спектакли поначалу делали на чистом энтузиазме — в свободное от основной работы время. Где придется. Даже на квартирах, у кого попросторней. А выступали больше в клубах. Через эти тернии прошло около трехсот человек. Был момент, когда нас оставалось четверо.

— Я не ослышался: четверо?

— Нет, не ослышался. И не стоит удивляться. Наш театр, — это, прежде всего, союз единомышленников. Чтобы создать такой союз, надо крепко потрудиться. Тут волевым диктатом цели не достигнешь. Настойчивость, выдержка, терпение. И — ясность в творческой программе, в творческих принципах.

— На каких же краеугольных камнях был заложен фундамент театра?

— Основная наша задача — постановка и поиск решения проблем, волнующих молодежь. Если же говорить о форме, это, прежде всего, музыка. Мы не представляем своего театра без музыки. Она пронизывает — не иллюстрирует, не сопровождает, а именно пронизывает — каждый спектакль. Второй «камень» — пластика. Знаете, сколько времени мы отдаем — каждый день — на физический тренинг? Три-три с половиной часа. Упражнения у классического станка, ритмические современные танцы, гимнастика, акробатика и даже спортивная борьба. Всякий ли актер может сделать шпагат? А наш актер делает его...

И еще мы предпочитаем «пустую» сцену. Вместо декорации расстилаем татами — толстый и упругий борцовский ковер. Кое-кого из старой театрально-критической гвардии смущает наше беспредметное пространство. Зато — много света. Коро-

че; мы исповедуем демократичную сценографию.

— И как на все это реагирует зритель?

— Хорошо реагирует, отзывчиво. Хотя, конечно, зритель разный бывает... Совершенно жуткую паузу пережил я после премьеры «Плахы». Спектакль закончился, а зал безмолвствует. Помню, Чингиз Айтматов, согласившись на инсценировку, сказал: «Постарайтесь пересадить зрителю хотя бы десятую часть того, что я вложил в роман». И вот — гробовая тишина. Меня холодный пот прошиб. Хоть бы, думаю, свистнул кто. И вдруг чей-то голос: «Режиссера на сцену!» Ах, какая завязалась удивительная беседа со зрителями, с залом. Актеры уселись по-домашнему — никакой принужденности. Вопросов было много, и разговор получился живой, интересный, по душам. Очень полезная, это вещь — поговорить, посоветоваться со зрителем. Особенно для такого молодого театра, как наш.

— Судя по возрасту актеров, вашему театру подошел бы эпитет «молодежный».

— Пожалуй. Средний возраст — 25 лет. Вполне комсомольский. В труппе двадцать человек, по преимуществу выпускники театрального института. Лишь двое с «посторонним» образованием: один закончил университет, другой — институт инженеров гражданской авиации. А всего в коллективе 33 человека.

— Не мало?

— А мы практикуем совместительство. Сами шьем сценические костюмы, сами стираем, сами убираем. А поскольку у театра нет собственного помещения и мы живем на колесах,

приходится заниматься и грузочно-разгрузочными работами. В общем — и швец, и жнец.

— Во многих театрах остра проблема занятости актера...

— У нас ее нет. Эту роскошь может позволить себе только бюджетный театр. А у нас — хозрасчет. И все без исключения актеры — все двадцать — с ролями.

— Несколько слов о новиках.

— Пополняемся за счет вспомогательного состава. Если актер выдерживает экзамен, заключаем с ним договор. Впрочем, договор заключается с каждым актером. На год. Спустя год он возобновляется. Если, конечно, актер по-прежнему отвечает требованиям театра.

— О репертуаре. Как он формируется?

— Нам никто не указывает, что ставить, а что нет. При выборе пьесы решающее слово за советом трудового коллектива. Вообще-то нам подсказывали: ориентируйтесь на комедию, она, мол, при хозрасчете не подведет. Но мы пошли иным путем. Первая премьера — «Ромео и Джульетта», Шекспир. Потом — «Плаха» по Айтматову, пьеса львовского драматурга Василия Босовича «Железные солдаты», которая рассказывает о жизни современной молодежи, об ее участии в перестройке. Последняя работа — «Великий князь Владимир», хроника времени Киевской Руси.

— А что дальше?

— Думаю, драматурги не оставят без хлеба. Беремся и за инсценировки. Современная проза дает театру интересный материал.

— К слову, кто инсценировал для вас «Плаху»?

— Сначала мы обратились к драматургам. Обошли человек десять, но все отказались. Пришлось сделать инсценировку собственными силами.

— А кто пишет для театра музыку?

— Композитор Сергей Бедусенко. Это наш постоянный автор. Сотрудничает — по мере необходимости — и с другими специалистами. Приглашали, например, хореографов — заслуженного артиста УССР Виктора Рыбня и преподавателя хореографического училища Аллу Рубину. Занятия по пластике ведет директор-распорядитель театра Владимир Волков: он в прошлом спортсмен, был чемпионом страны, сейчас учится в театральном институте. В принципе мы можем заключать договоры со всеми, кто нужен театру. Если, конечно, позволяет наша касса.

— Говорят, ваш театр легкий на подъем...

— Нет худа без добра: компенсируем отсутствие помещений гастрольями. Ездил в Крым: Керчь, Симферополь, недавно вернулись из Севастополя. Выступали в Одессе, во Львове. Театр принял участие в театральном фестивале в Кишиневе. И стал его дипломантом. Готовимся к поездке в Болгарию.

— И как принимают в гостях? — Так же, как и дома, — хорошо.

— Хозрасчет требует: побольше спектаклей. Сколько выдаете их за месяц?

— Примерно двадцать. Точнее, до двадцати. Зарабатываем и для себя, и для театра. А театру в пору становления требуется многое. Первые обновления — радио- и светоаппаратура, кое-какой реквизит. На об-

заведение нам был выделен уставной фонд — 20 тысяч рублей. Сумма скромная, не разбежишься, вот и приходится крутиться. Разбогатеть пока не разбогатели, но самое необходимое для работы есть. Имущество театра, включая денежные средства, тянет на 180 тысяч рублей. Не так уж мало.

— А как с зарплатой актеров?

— Устанавливаем ее сообща. Заработок — это тарифная ставка плюс доплата. Последняя зависит от размера прибыли и коэффициента трудового участия. У нас как на производстве: совет коллектива ежемесячно определяет КТУ — каждому в отдельности. По максимуму доплата составляет полторы ставки. В сумме — 300—350 рублей в месяц. Но это потолок. Актер вспомогательного состава получает 80 рублей — и никаких доплат. Средний же заработок актера — 200—250 рублей.

— Итак, подведем некоторые итоги. Что дал хозрасчет коллективу?

— Прежде всего, самостоятельность. Я бы даже сказал так: самостоятельность с повышенной ответственностью. За общее дело в ответе каждый. Если, допустим, я как худрук театра «проваляю» спектакль, труппа вправе отказаться от моих услуг и выбрать другого руководителя.

— Ваш театр очень молод и трудностей, наверное, хоть отбавляй. Почему вы о них не говорите?

— А их не так уж много. Нас поддерживают и Министерство культуры УССР, и комсомол, а главное — зрители. Единственно, что нам мешает, это отсутствие помещения. Но мы не теряем оптимизма. И верим в хозрасчет.

Беседу вел
А. СОКОЛ.
Корр. «Правды Украины».
Киев.